

историей: «...отправляясь в свое первое путешествие в Америку, я не позаботилась о том, чтобы обеспечить себя паспортом. Мне было восемь лет. Каждый уважающий себя ребенок с хорошим воображением убегал в Америку примерно в этом возрасте! У меня была с собой небольшая сумка, два бутерброда и большой кухонный нож, чтобы сражаться с пиратами. Однако я была непрактичной маленькой женщиной. У меня не было паспорта, и меня поймали на первой же железнодорожной станции».²⁴ Установление подобных параллелей требует дальнейших исследований, оно затруднено многочисленностью сохранившихся свидетельств жизни поэтессы до революции и тем, что материалы, связанные с эмигрантским периодом ее биографии, находятся в зарубежных, американских архивах. Последнюю группу источников вводят в научный оборот работы И. В. Ключевой.²⁵

Для творческого метода детской поэзии Моравской, как и для ее «взрослого» творчества, действительно характерна высокая степень откровенности и автобиографичности. Ее стихотворения о животных позволяют провести параллель с «интимным дневником», о котором говорилось в критических отзывах современников. Автобиографическая основа стихотворений Моравской для детей, таким образом, не исчерпывается памятью о семейной драме прошлого, о которой писала Жибуль, но включает также живое восприятие настоящего.

²⁴ «On my first journey toward America, however, I neglected to provide myself with a passport. I was eight years old. Every self-respecting child with a good imagination ran away to America at about that age! I had with me a little bag, two sandwiches, and a big kitchen knife with which to fight the pirates. I was an impracticable little woman, however. I had no passport and I was caught at the first railway station» (*Moravsky M. America — from 10,000 miles away // The Red Cross magazine. 1920. Vol. 15. October. P. 68.* Перевод наш. — А. Л.). «Маленькая женщина» — возможно, аллюзия на одноименный роман («Little Women»; 1868–1869) Л. М. Олкотт.

²⁵ См.: Ключева И. В. 1) Ранний период биографии и творчества поэтессы Марии Моравской: культурно-историческая реконструкция // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Познание. 2022. № 12. С. 18–23; 2) Поэтесса Мария Моравская и скульптор Степан Эрзя: биографические и творческие пересечения. С. 97–107.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-182-192

© М. М. Гельфонд

Н. Я. И О. Э. МАНДЕЛЬШТАМЫ — ЧИТАТЕЛИ Е. А. БАРАТЫНСКОГО

Как известно, в силу трагических обстоятельств библиотека О. Э. и Н. Я. Мандельштамов не сохранилась. О читательских пристрастиях О. Э. Мандельштама мы знаем, благодаря прямым высказываниям поэта, свидетельствам современников и межуарным заметкам Н. Я. Мандельштам.¹ В этих условиях особую ценность приобретает любая книга, так или иначе зафиксировавшая опыт мандельштамовского взаимодействия с ней, даже в том случае, если сам поэт никогда не держал ее в руках. Именно о таком уникальном книжном экземпляре пойдет речь.

В библиотеке Н. Я. Мандельштам, среди книг, сохранных после ее смерти Ю. Л. Фрейдиным, было издание Баратынского 1957 года в большой серии «Библиотеки

¹ Мандельштам Н. <Мандельштам — читатель> / Реконструкция и публ. А. Устинова // Мандельштам — читатель. Читатели Мандельштама: Филологический сборник / Под редакцией О. А. Лекманова и А. Б. Устинова. Stanford: Aquilon Books, 2017. С. 15–24 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts; vol. 47).

поэта».² В нем рукой Н. Я. Мандельштам внесены пометы двух типов — первые сделаны синей или черной шариковой ручкой, вторые — зеленой чернильной. Ею же на переднем форзаде сделана поясняющая запись: «Я отметила то, что О. М. показывал и цитировал (в разговорах). Почти все, что он цитировал, относится ко времени («миг», «час» и др.)».

Двойной тип помет делает возможным два объяснения. Во-первых, можно предположить, что первая группа относится к прочтению самой Н. Я. Мандельштам, тогда как вторая воспроизводит читательские реакции О. Э. Мандельштама. Во-вторых, что более вероятно, двучетные маргиналии могли быть сделаны Н. Я. Мандельштам в разное время. Последовательность помет невозможно установить точно, но почерк, которым сделана «зеленая» группа записей, менее устойчив. Для Н. Я. Мандельштам разноцветные маргиналии типичны: на ее экземпляре 3-го тома американского Собрания сочинений Мандельштама они были сделаны «чернильной или по большей части шариковой ручкой» «черного, синего, красного и зеленого цветов».³ Впрочем, очевидно, что собрание Мандельштама она перечитывала постоянно; неудивительно, что эту книгу «отличает высокая „плотность“ и тавтологичность маргиналий».⁴ Издание Баратынского, вероятно, перечитывалось неоднократно, но все же не постоянно.

Описание книжных помет относится к ведению рецептивной критики,⁵ и если бы они были сделаны самим О. Э. Мандельштамом, мы, безусловно, могли бы делать выводы о том, как он читал одного из самых значимых для него русских поэтов.⁶ В нашем случае ситуация усложняется: маргиналии были сделаны Н. Я. Мандельштам задним числом, на том издании, которого сам О. Э. Мандельштам знать не мог. По словам Н. Я. Мандельштам, у Мандельштама том Баратынского был «всегда с собой» — в начале «провинциальное» изд[ание], изд[анное сыном], — и потом новое».⁷ Но Н. Я. Мандельштам не переносила пометы, некогда сделанные О. Э. Мандельштамом на каком-то другом издании (и мы не знаем о том, существовали ли они), а скорее фиксировала привычные в семейном быту цитаты с поправкой на неизбежную в таких случаях неточность.

Помимо обыкновенных aberrаций памяти, здесь могла сыграть немалую роль и временная дистанция. По всей вероятности, пометы были сделаны не раньше 1965 года, когда Н. Я. Мандельштам получила возможность жить в Москве. Еще более вероятно, что они относятся уже к 1970-м годам, в частности к 1974-му, когда навещавшая Н. Я. Мандельштам М. Л. Каганская читала ей свои эссе о Мандельштаме. По словам П. Криксунова, «Майя писала книгу об О. М. Помимо „Мандельштам и Хомяков“ и „Мандельштам и Тютчев“, в ней намечались — и уже разрабатывались — две другие главы: „Мандельштам и Баратынский“ и „Мандельштам и Лермонтов“. Они обсуждались с Н. Я. в моем присутствии».⁸ Возможно, пометы делались и в ходе общения

² Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Н. Купряевой. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая сер.). Архив Мандельштамовского центра НИУ ВШЭ. Благодаря сотрудникам Мандельштамовского центра П. М. Нерлера и Л. М. Видгофа за то, что обратили мое внимание на эту книгу и предложили описать маргиналии; К. И. Кочетова — за помощь в сканировании.

³ «Любил, но изредка чуть-чуть изменял». Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / Публ., подг. текста и вступ. заметка Т. М. Левиной; прим. Т. М. Левиной и А. Т. Никитаева // *Philologica*. 1997. Vol. 4. № 8/10. С. 169.

⁴ Там же.

⁵ Jackson H. J. *Marginalia: Readers Writing in Books*. New Haven; London: Yale University Press, 2001; Проскурин О. А. Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова: датировка, функция, роль в литературной эволюции // Новое литературное обозрение. 2003. № 6. С. 251.

⁶ Близость Мандельштама к Баратынскому отмечалась многократно. См., например: Роскина Н. «Как будто прощаются снова...» // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 537; Бухштаб Б. Я. Поэзия Мандельштама // Бухштаб Б. Я. Фет и другие. Избр. работы. СПб., 2000. С. 255–280; Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1998. С. 344.

⁷ Мандельштам Н. <Мандельштам — читатель>. С. 20. Приведенному описанию соответствует издание: Сочинения Евгения Абрамовича Баратынского. С портретом автора, его письмами и биографическими о нем сведениями. 4-е изд. Казань, 1884.

⁸ «Узел жизни, в котором мы узнаны...»: Майя Каганская о Надежде Мандельштам / Публ. С. Шаргородского; прим. С. Шаргородского и П. Криксунова; предисловие П. Криксунова //

с И. М. Семенко — автором книги «Поэты пушкинской поры» (1970), исследовательницей Мандельштама и постоянной собеседницей Н. Я. Мандельштам.

Уникальность помет (всех или их части), отмеченная самой Н. Я. Мандельштам, состоит в том, что она закрепляла в книге цитаты, которые слышала от Мандельштама приблизительно сорока годами ранее. Иными словами, предпринятый ею опыт был именно *двойным чтением*; ее пометы и воспроизводили (реально или мнимо) мандельштамовские, и были ее собственной реакцией на прочитанное.⁹ Характерно, что, предприняв опыт пристального прочтения Баратынского, Н. Я. Мандельштам ничего не отметила ни во вступительной статье, подготовленной Е. Н. Купреяновой, ни в примечаниях. В центре ее внимания был только Баратынский — «перечитанный» Мандельштамом и прочитанный ею самой.

В настоящей работе мы попробуем максимально полно описать маргиналии в принадлежавшем Н. Я. Мандельштам издании Баратынского, обращая внимание как на сами записи, так и на другие пометы, в том числе — их цвет. Общее количество подчеркиваний — около четырехсот, записей — около двадцати. При их описании мы будем двигаться «вдоль» книги Баратынского, вместе с тем некоторые пометы, тяготеющие друг к другу, будут рассмотрены как единое семантическое гнездо.

Начнем с помет на ранних стихотворениях. Преимущественно Н. Я. Мандельштам подчеркивает или отчеркивает на полях ручками обеих цветов те строки, которые тяготеют к пуантам или афоризмам. Вероятно, они действительно могли произноситься Мандельштамом или представлялись Н. Я. Мандельштам чем-то похожим на цитаты из домашнего обихода: «Что в молитвах? / Я в чужбине / Дни скончаю» («Песня»); «Пренебреги молвы болтливой / И порицаемь, и хвалой» («Добрый совет»); «...страданье нужно нам, / Не испытав его, нельзя понять и счастья» («К-ну»); «Мгновенье мне принадлежит, / Как я принадлежу мгновенью» («Финляндия»); «Но я безрадостно с друзьями радость пел, / Восторги их мне чужды были» («Уныние»); «За что, державный Рим, тебя забыли боги?» («Рим»); «И, мнится, сердцем разумею / Речь безглагольную твою» («Водопад»); «Весельчакам я запер дверь, / Я пресыщен их буйным счастьем, / Я заменил его теперь / Пристойным, тихим сладострастьем» («Товарищам»); «Чего ж робеть на жизненном пути?» («Дельвигу»); «И признаюсь: неприхотливой лени / Мне нравится приманчивый закон» («Эпилог»); «И берегите хлад спасительный / Своей приманчивой души» («Две доли»); «...для духа нет оков»; «Учусь покорствовать судьбине я своей»; «Увидеть бы желал я пышный Петроград» («Гнедичу»); «О счастии с младенчества тоскуя, / Все счастьем беден я, / Или вовек его не обрету я / В пустыне бытия?»; «Надежд своих лишен я прежней цели, / А новой цели нет»; «Твой мир, увы! могилы мир печальный / И страшен для живых» («Истина»); «За то я вами недоволен, / Что недоволен сам собой» («О, своенравная София!»); «Не уважаешь ты безделок стихотворных» («Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры»); «Притворной нежности не требуй от меня»; «Я клятвы дал, но дал их свыше сил» («Признание») и т. д. Неизменно — и в ранних стихотворениях Баратынского и позже — Н. Я. Мандельштам подчеркивает или отмечает знаком «+» на полях те афоризмы, которые связаны с категориями мгновения, времени и века, например: «Дни пролетают, годы тоже, / Меж тем бледнеет свет» («Бдение», 1821); «...где для нас / Часы летели, как мгновенья» («Возвращение», 1822); «На собственных пирах вздыхает он украдкой / И длется для него мгновенья жизни краткой» («Гнедичу»,

«Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П. М. Нерлер. М., 2015. С. 586–587.

⁹ Отметим случайное совпадение: именно это издание Баратынского оказало определяющее влияние на Иосифа Бродского: «Году в пятьдесят девятом я прилетел в Якутск и прокантовался там две недели, потому что не было погоды. Там же, в Якутске, я помню, гуляя по этому страшному городу, зашел в книжный магазин и в нем я надыбал Баратынского — издание „Библиотеки поэта“. Читать мне было нечего, и когда я нашел эту книжку и прочел ее, тут-то я все понял: чем надо заниматься. По крайней мере, я очень завелся, так что Евгений Абрамыч здесь как бы во всем виноват» (Рейн Е. Человек в пейзаже // Иосиф Бродский. Большая книга интервью / Сост. В. Полухиной. М., 2000. С. 414).

1823); «На лету ловите счастья / Ненадежные часы» («Наслаждайтесь, все проходит...», 1833) и др.

В ряде случаев Н. Я. Мандельштам не только подчеркивает отдельные строки, но и обнаруживает в них непосредственные источники мандельштамовских реминисценций. Так, в «Поцелуе» подчеркнута черной ручкой строка «Преследует мое воображение» и сверху зеленой подписано «У старика Маргулиса глаза». «Маргулеты» Н. Я. Мандельштам впервые опубликовала во «Второй книге» (Париж, 1972) с комментарием: «Лучшие „маргулеты“ пропали. Их законом было — начинаться со слов „Старик Маргулис“ и получать одобрение самого „старика“. Вот еще одна „зекапинная маргулета“: „У старика Маргулиса глаза / Преследуют мое воображение, / И с ужасом я в них читаю „За / Коммунистическое просвещение“».¹⁰ Анализируя мандельштамовский юмор, Н. Я. Мандельштам пишет, что его шутка «всегда построена на абсурде».¹¹ Здесь его создает переключение от мадригала к эпиграмме: неизменность строки в чужеродном контексте рождает комический эффект. Вероятно, Н. Я. Мандельштам обнаружила источник мандельштамовской цитаты много десятилетий спустя и записала на полях книги, как бы делясь своим открытием с автором и адресатом, которых к тому времени давно не было в живых.

Сходная помета есть и на полях «Череп»: Н. Я. Мандельштам записывает зеленой ручкой «Череп в „Неизвестном солдате“». Основанием для сближения Баратынского и Мандельштама, очевидно, становится не только образ черепа, но и само соотношение телесного и непостижимого. Кроме того, Н. Я. Мандельштам, разумеется, могла помнить пушкинскую формулировку «Гамлет–Баратынский», дополнительно подсвечивающую последнюю строчку мандельштамовской строфы «Чепчик счастья — Шекспира отец». М. Л. Гаспаров отмечал среди других подтекстов этой строфы «„Гамлета–Баратынского“ с его парадоксально-жизнеутверждающим „Черепом“ («Живи, живой, спокойно тлей, мертвец»»);¹² при этом речь в равной степени может идти и о непосредственной реминисценции и о двух разных звеньях в цепи русской рецепции шекспировского «бедного Йорика».

Еще носил волос остатки он;
Я зрел на нем ход постепенный тленья.
Ужасный вид! Как сильно поражен
Им мыслящий наследник разрушенья!

Со мной толпа безумцев молодых
Над ямою безумно хохотала;
Когда б тогда, когда б в руках моих
Глава твоя внезапно провещала.¹³

Для того ль должен череп развиться
Во весь лоб — от виска до виска, —
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?
Развивается череп от жизни
Во весь лоб — от виска до виска, —
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пенится, сам себе снится —
Чаша чаш и отчизна отчизне —
Звездным рубчиком шитый чепец —
Чепчик счастья — Шекспира отец.¹⁴

В «Воспоминаниях» Н. Я. Мандельштам пишет о том, что «в тридцатые годы О. М. уже не возвращался к двадцатому веку русской поэзии, а на полке собралась поэзия девятнадцатого. <...> В первоизданиях у нас были Державин, Языков, Жуковский, Баратынский, Фет и другие».¹⁵ Мандельштамовский «пересмотр» русской поэзии

¹⁰ Мандельштам Н. Я. Собр. соч.: В 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 2. «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979) / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин; вступ. статья Ю. Фрейдина. С. 148.

¹¹ Там же. С. 147.

¹² Гаспаров М. Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996. С. 37 (Чтения по истории и теории культуры; вып. 17).

¹³ Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. С. 106.

¹⁴ Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 247.

¹⁵ Мандельштам Н. Я. Собр. соч. Т. 1. «Воспоминания» и другие произведения (1958–1967). С. 328.

ХІХ века отразился в написанных летом 1932 года «Батюшкове» и «Стихах о русской поэзии». Перечитывая Баратынского, Н. Я. Мандельштам, вероятно, увидела в нем один из источников этих мандельштамовских стихотворений. Первая перекличка со «Стихами о русской поэзии» отмечена в послании Баратынского «Богдановичу»: зеленой ручкой Н. Я. Мандельштам подчеркивает несколько метких характеристик, которыми он награждает других поэтов. Одно из них — «нежный Батюшков» (у Мандельштама — инверсированное «Батюшков нежный», причем НКРЯ дает лишь эти два примера такого словосочетания. Ряд других подчеркнутых Н. Я. Мандельштам строк («Никак в писатели попал я за грехи», «Пристала к музам их немецких муз хандра», «Торговой логики смышленный приговор», «Избрать в советники kota и петуха», «В искусстве находить возмездие искусства», «Я правды красоту даю стихам моим») не находит у Мандельштама прямого соответствия. При этом сам «пересмотр», предпринятый в «Стихах о русской поэзии», отчасти напоминает тот, который сделал в послании «Богдановичу» Баратынский. Отметим, что и образ самого Баратынского появляется в тематически и хронологически примыкающем к «Стихам о русской поэзии» стихотворении «Дайте Тютчеву стрекозу...»:

Баратынского подошвы
Изумили сон¹⁶ веков.
У него без всякой прошвы
Наволочки облаков.¹⁷

Комментируя его, Н. Я. Мандельштам писала: «Облака Баратынского не требуют объяснения». ¹⁸ Сложно сказать, как соотносятся по времени комментарий (Ю. Л. Фрейдин «впервые познакомился» с ним «в начале 70-х гг.») ¹⁹ и пометы на книге, но в томе Баратынского Н. Я. Мандельштам отметила знаками «+» синей ручкой на полях каждой строфы стихотворение «Чудный град порой сольется...», которое могло стать непосредственным источником второй строфы Мандельштама. Об этом говорит не только их образное сходство («Чудный град порой сольется / Из летучих облаков» ²⁰ — «У него без всякой прошвы / Наволочки облаков»), но и тождество размера (Х4жм). Как отмечает Е. Г. Николаева, «облаков у Баратынского действительно немало»: ²¹ Н. Я. Мандельштам подчеркивает значительную часть упоминаний о них: в «Буре» («сгустила в тучи облака»), «Последней смерти» («Волнуясь, подобно облакам»), «Недоноске» («Ластюся к ним, как облачко»; «И до облак, свод небесный...»), «Толпе тревожный день приветен, но страшна...» («Коснися облака нетрепетной рукою...»), поэме «Бал» («На ней слились из облаков / Великолепные чертоги») — все синей ручкой со знаком «+» на полях напротив этих строк. Вероятно, по ассоциативной связи с «Дайте Тютчеву стрекозу...» тем же знаком отмечена метрически близкая к мандельштамовскому стихотворению «Эпиграмма» («Окогченная летунья...», Х4жжм). Героиня Баратынского — «летунья» и «егоза» — вероятно, могла напомнить Н. Я. Мандельштам о стрекозе, которую она искала и не могла найти у Тютчева: «...есть сколько угодно мотыльков, но стрекозы нет и в помине». ²² У Баратынского «стрекозы» тоже нет, но ассоциация с ней

¹⁶ Вариант: изумили прах.

¹⁷ Мандельштам О. Э. Собр. соч. Т. 1. С. 182.

¹⁸ Мандельштам Н. Я. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1989. С. 224.

¹⁹ Фрейдин Ю. Л. Послесловие к «Комментариям...» // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. С. 310.

²⁰ Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. С. 140–141.

²¹ Николаева Е. Г. «Баратынского подошвы» у Мандельштама (еще одна попытка комментария) // Литературоведение и литературоведы: Сб. науч. трудов к 75-летию Г. В. Краснова. Колмна, 1996. С. 78–84.

²² Мандельштам Н. Я. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. С. 223. По словам И. М. Семенко, «узнав о том, что у Тютчева „есть стрекоза“, Н. Я. Мандельштам обрадовалась точности Мандельштама, но в текст своего комментария никаких поправок не внесла» (Там же).

возникает благодаря рифмам: «егоза / глаза» и «летунья / хохотунья», которые воспринимаются как цитаты из хрестоматийной басни.

Среди стихотворений «промежуточного»²³ периода Баратынского Н. Я. Мандельштам выделяет зеленой ручкой несколько — причем в ряде из них к подчеркнутым и отчеркнутым строкам добавляются знаки «+» на полях. Так, отмечены последние четверостишия «Звезды», «Уверения», «Стансов» («В глуши лесов счастлив один...»), «Дороги жизни», «Л. С. П-ну», эпиграммы «Отчизны враг, слуга царя...». Последняя, направленная против Аракчеева, вероятно, вызвала у Н. Я. Мандельштам ассоциации с антисталинской инвективой Мандельштама (имя «владыки преисподней» у Баратынского, как и «кремлевского горца» у Мандельштама не названо).

Пометы двух цветов сделаны на «Последней смерти». Синей отмечена строка с упоминанием облаков, зеленой с «+» на полях — некоторые итоговые формулы: «И наконец я видел без покрова / Последнюю судьбу всего живого»; «Все на земле движением дышало, / Все на земле как будто ликовало»; «Ходила смерть по суше, по водам». Строк, близких этим, у Мандельштама, кажется, нет, но сама «лирическая антиутопия»,²⁴ развернутая Баратынским, могла представляться Н. Я. Мандельштам точной картиной пережитого ею. В «Смерти» (1827) зеленой ручкой отчеркнуты вторая и пятая строфы, синей подчеркнуто начало третьей: «Когда возникнул мир цветущий / Из равновесья диких сил...», на полях «Деревни» плюсами отмечены пуанты: «Быть так, прощаю комаров!» и «Комар двуногий, гость-мучитель, / Нет, не прощаю я тебя!» (последний может соотноситься с описанными Н. Я. Мандельштам обстоятельствами первого ареста Мандельштама).

Полностью отчеркнуты синей ручкой миниатюры конца 1820-х «Не подражай: своеобразен гений...», «Муза», «Мой дар убог и голос мой не громок...» — последняя отмечена и знаком «+» на полях, но о раннем эссе Мандельштама «О собеседнике», в котором полностью процитировано это стихотворение, Н. Я. Мандельштам не упоминает. На полях «Бесенка» сделана запись «бесенок» — вероятно, Н. Я. Мандельштам увидела в нем источник стихотворения «Влез бесенок в мокрой шерстке...», хотя метрический его строй напоминает скорее о пушкинских «Бесах» и «Зимней дороге».²⁵

Читая стихи Баратынского как источник Мандельштама, Н. Я. Мандельштам нередко выделяет не только строки или словосочетания, но и отдельные слова, редкое употребление которых позволяет предположить прямое заимствование. Так, в стихотворении «Подражателям» в строках «Не напряженного мечтанья / Огнем услужливым согрет — / Постигнул таинства страданья / Душемутительный поэт» она подчеркивает синей ручкой словосочетание «душемутительный поэт» и записывает на полях слово «душемутитель», отсылающее к стихотворению Мандельштама «Рояль»:

Оскорбленный и оскорбитель,
Не звучит рояль-Голиаф —
Звуколюбец, душемутитель,
Мирабо фортепьянных прав.²⁶

Из стихотворений начала 1830-х годов Н. Я. Мандельштам отмечает отдельные строки в «Бывало, отрок, звонким кликом» (первые две) и «Отрывке» («Лукавым светом бытия»). Полностью отчеркнуто зеленой ручкой «Где сладкий шепот...» (1831) и дважды — зеленой и черной — «Болящий дух врачует песнопенье...». Особое ее внимание привлекает «Запустение» — пометы на нем ручками двумя цветами. Зеленой

²³ Об этапах творчества Баратынского см.: Альми И. Л. О творческой позиции Е. А. Баратынского конца двадцатых — начала тридцатых годов XIX века (анализ лирики) // Альми И. Л. О поэзии и прозе. СПб., 2002. С. 156–178.

²⁴ Там же. С. 163.

²⁵ Сураг И. З. Мандельштам и Пушкин. М., 2009. С. 116.

²⁶ Мандельштам О. Э. Собр. соч. Т. 1. С. 166. Отсылка к «Подражателям» в «Рояле» отмечена Л. М. Видгофом: Видгоф Л. М. «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012. С. 235.

подчеркнуты строки «Искал прыгучих вод мне памятной каскады», «Сих кленов, сих дубов, в душе своей питал / Ему сочувственную думу», «...несрочную весну» (неизвестно, могла ли Н. Я. Мандельштам знать одноименный бунинский рассказ 1923 года). Последнюю строку «Запустения», где речь идет о посмертной встрече с отцом, «Я тень, священную мне, встречу», Н. Я. Мандельштам подчеркивает синим и подписывает под ней «на тризне милой тени». Среди претекстов мандельштамовского «Концерта на вокзале» стихотворения Баратынского, в частности «Пироскаф» и «Последний поэт», назывались неоднократно,²⁷ но Н. Я. Мандельштам, отталкиваясь от слов «элизиум» (у Баратынского — «Элизей») и «тень», намечает основания для общности лирического сюжета — путешествие в небытие.

Читая «Сумерки» — первую «книгу стихов» в русской поэзии, Н. Я. Мандельштам выделяет начало «Последнего поэта», хотя и не соотносит его прямо с «Концертом на вокзале». Очевидно, «Последний поэт» тоже перечитывался неоднократно — пометы сделаны ручками разных цветов. То же можно сказать и о «Приметах», название которых подчеркнуто синей ручкой, а все стихотворение отчеркнуто зеленой. Подчеркнутый и выделенный знаком «+» пуант мадригала «Всегда и в пурпуре, и в злате...»: «Ты сладострастней, ты прелестней / Живых, блистательная тень!» Н. Я. Мандельштам могла знать как эпиграф ко второй части «Поэмы без героя».²⁸ Непосредственно связанную с Ахматовой помету Н. Я. Мандельштам делает и на полях поэмы «Бал»: рядом со строками «Над головою перья веют; / По томной прихоти своей / Они то ей лицо лелеют, / То дремлют в локонах у ней» она записывает ахматовскую строку «Перо задело о верх экипажа». В целом же — при традиционном внимании читателей Баратынского именно к «Сумеркам» — Н. Я. Мандельштам выделяет относительно немного стихотворений из сборника. Знаком «+» отмечены две строки «Недоноска» («И ношусь, крылатый вздох / Меж землей и небесами»; отдельно — упоминания облаков). Полностью выделено синей скобкой на полях стихотворение «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...», подчеркнута зеленой ручкой строка «И кипящего Ахилла» («Ахилл») и отчеркнута ею же на полях «Сначала мысль, воплощена...». Синим отчеркнута первая строфа стихотворения «Что за звуки? Мимоходом...», по предположению А. Э. Скворцова — одного из претекстов «Стихов о русской поэзии».²⁹ Относительно немного помет сделано в тексте «Осени»: ручками двумя цветов подчеркнуты строки «И красен круглый лист осины», «...ненастливый Эол», «Овины весело дыматься», «Оратай жизненного поля», «...неотразимый стыд / Души твоей обманов и обид», «...всех увлечений друг», «...разнообразьем брашен», «...тощая земля / в широких лысынах бессилья». Целиком отчеркнуто карандашом стихотворение «Благословен святое возвестивший!» (отдельно подчеркнуто слово «изгиб»); в завершающей «Сумерки» «Рифме» зеленой скобкой на полях выделена первая строфа и синим подчеркнута строка «Сам судия и подсудимый». Наиболее значима среди маргиналий вокруг «Сумерек» запись зеленой ручкой на полях полностью отчеркнутого ею же стихотворения «Еще, как патриарх, не древен я; моей...»: «Еще далеко мне до патриарха». Генезис мандельштамовской строчки был многократно назван и не вызывает сомнений,³⁰ но догадка Н. Я. Мандельштам возникла раньше и еще раз подтверждает исследовательские наблюдения.

²⁷ Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 13–38, Капинос Е. В. «Пироскаф» Баратынского как интертекст Мандельштама // Сюжет и мотив в контексте традиции: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1998. С. 196–207.

²⁸ Подробнее об этом стихотворении Баратынского см.: Мазур Н. «Возможна ли женщине мертвой хвала»: о стихотворении Баратынского «Всегда и в пурпуре и злате...» // Пермиковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 272–295.

²⁹ Скворцов А. Э. «Поэт» Арсения Тарковского: от реального — к идеальному // Вопросы литературы. 2011. № 5. С. 263–284.

³⁰ Мец А. Г. Комментарии // Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. Стихотворения. С. 604. Подробнее о стихотворении Баратынского см.: Мазур Н. Н. Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария. Материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 345–378.

Среди поздних стихотворений, не вошедших в «Сумерки», Н. Я. Мандельштам полностью выделяет «Звезды» (отдельно подчеркивая в нем слово «Аи» — об этом ниже), отмечает ручками разных цветов в «На все свой ход, везде свои законы...» строки «Меж люлькой и гробом спит Москва...» и «глядит гошпиталем», отчеркивает два первые катрена в «Спасибо злобе хлопотливой...» и фрагменты второй и третьей строф стихотворения «Люблю я вас, богини пеня...» («Чтоб персты, падшие на струны, / Не пробудили вновь перуны, / В которых спит душа моя»; «И говорю: до завтра, звуки, / Пусть день угаснет в тишине»). Наиболее интересными нам представляются несколько сюжетов, связанных с маргиналиями на полях стихотворений «Когда твой голос, о поэт...», «На посев леса», «Пироскаф» и «Дядьке-итальянцу».

Первые два связаны с уже отмечавшимися случаями редкого словоупотребления. Так, в первом из стихотворений подчеркнута строка «И, над умолкшей Аонидой». Согласно трем разрозненным мемуарным свидетельствам (И. Одоевцевой, Н. Павлович, О. Гильдебрандт-Арбениной),³¹ Мандельштам не был уверен в значении слова «Аониды», причем его неуверенность относилась к собственным строкам: «Я так боюсь рыдания Аонид, / Тумана, звона и зиянья». Через полтора года после создания стихотворения «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» поэт заключил договор с Госиздатом на издание сборника «Аониды».³² Сам Мандельштам, если верить мемуаристам, возводил это именование муз к Пушкину — вместе с тем оно есть и у значимого для Мандельштама Батюшкова, и у Баратынского. Связь Аонид с последним могла быть опосредована строчкой Вяч. Иванова «Его покой лобзают Аониды» из стихотворения, обращенного к портрету Баратынского.³³ По всей вероятности, читая Баратынского, Н. Я. Мандельштам нашла источник и мандельштамовской строки, и названия неизданной книги.

В стихотворении «На посев леса» Н. Я. Мандельштам выделяет целый ряд строф и строк, в частности, подчеркивает зеленой ручкой: «Нет на земле ничтожного мгновения», «Я дни извел, стучась к людским сердцам», «Да хрящ другой мне будет плодосен!», «Поэзии таинственных скорбей / Могучие и сумрачные дети». Ранее мы предполагали, что это стихотворение позднего Баратынского с его декларативным разрывом с читателем отразилось в «темном» воронежском стихотворении Мандельштама «Не у тебя, не у меня — у них...». Маркер этого — опять же редкое, «непоэтическое» слово «хрящ»: из тридцати вхождений в поэтическом корпусе НКРЯ до 1937 года четыре приходится на Мандельштама. Мандельштамовский «хрящ» полисемантичен: это и косточка, и обозначение пространства.³⁴ Интенция мандельштамовского стихотворения противоположна той, что заявлена у Баратынского: он не разрывает отношения со своими читателями, а обращается к неизвестным «им» в поисках правды (тематическое сходство подчеркивается метрическим тождеством):

Летел душой я к новым племенам,	И для людей, для их сердец живых,
Любил, ласкал их пустоцветный колос;	Блуждая в их извилинах, развивах,
Я дни извел, стучась к людским сердцам,	Изобразишь и наслаждения их,
Всех чувств благих я подавал им голос. ³⁵	И то, что мучит их, — в приливах и отливах. ³⁶

Если наше предположение о связи двух стихотворений верно, то речь идет о небольшом историко-литературном казусе: в рукописи Баратынского относительно

³¹ Лекманов О. А. «Жизнь прошла. А молодость длится...» Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». М., 2020. С. 604–605.

³² Политический отзыв о рукописи О. Э. Мандельштама «Аониды». 27 мая 1922 г. // ГА РФ. Ф. 395. Оп. 9. Д. 6. Л. 129. Рукопись на бланке; см. также: Электронная библиотека исторических документов: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/7835-politicheskiy-otzyv-o-rukopisi-o-e-man-delshtama-locale-nil-aonidy-locale-nil-27-maya-1922-g> (дата обращения: 30.04.2025).

³³ Предположение высказано при обсуждении поста Ольги Репиной в Живом Журнале: <https://ol-re.livejournal.com/5219.html#t1810275> (дата обращения: 30.04.2025).

³⁴ Подробнее об этом: Гельфонд М. М. «Не у тебя, не у меня — у них...» О. Э. Мандельштама: опыт прочтения // Новый филологический вестник. 2022. № 1. С. 339–347.

³⁵ Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. С. 198–199.

³⁶ Мандельштам О. Э. Собр. соч. Т. 1. С. 226.

отчетливо читается не «хрящ», а «кряж» — и в большинстве изданий принят именно этот вариант.³⁷ При этом в издании 1884 года, которое, видимо, было у Мандельштамов, читается «хрящ» — так же как и в подготовленном Е. Н. Купреяновой издании 1957 года.

В «Пироскафе» — важнейшем для Мандельштама, как будет показано позднейшими исследователями, стихотворении Баратынского,³⁸ Н. Я. Мандельштам полностью подчеркивает синей ручкой первые три строфы и подчеркивает зеленой строки: «Прежде чем руки марсельских матросов» и «В область свободную влажного бога». Очевидно, что Н. Я. Мандельштам осознает «Пироскаф» как близкий Мандельштаму текст, хотя и не проводит прямых параллелей с ним. То же можно сказать и о стихотворении «Дядьке-итальянцу»,³⁹ однако специально по отношению к Мандельштаму оно не рассматривалось. Зеленой ручкой в нем отмечены строки «Ты дал мне благодать нерусского надзора», «Всех макаронщиков тогда узнал я в ней», «ты мирный кров обрел, а позже гроб спокойный», «Безропотно сносил морозы наших зим», «Участник наших слез и праздников семейных», «И скорбный взор ее минутно оживет», «Имел ты на устах от утра до утра», «в классический твой город», «Минутный царь царей, но дивный кондотьер, / Уж жидущий свои гигантские потери», «Он звонкой пустотой революционных фраз», «Едва ты узнику печальному британца / Простил военную систему корсиканца», «На итальянский гроб в могиле церкви нашей», «Того, кто в сей земле вулканов и цветов», «Где в мраки Тенара открыл он путь Энею», «Давно из божества разжалованный лик», «У миртов, у олив, у моря и у лавы». Полностью обведено синей ручкой и стихотворение «Небо Италии, небо Торквата...» — метрический набросок «Пироскафа» и содержательный — «Дядьке-итальянцу».

В маргиналиях Н. Я. Мандельштам на полях книги Баратынского отразилось не только прочтение младшим поэтом старшего, но и жизнь, прожитая ею рядом с Мандельштамом. Наряду с реминисценциями она — скорее в роли наивной читательницы — отмечает те строки, которые так или иначе перекликались с ее жизнью. Так, подчеркнутые строки и «+» на полях «Стансов» («Судьбой наложенные цепи...»), кажется, ничего не говорят о поэзии Мандельштама и при этом многое — о той семейной идиллии, которой не дано было состояться: «Я твой, родимая дуброва, / Но от насильственных судьбин / Молить хранительного крова / К тебе пришел я не один. / Привел под сень твою святую / Я соучастницу в мольбах / Мою супругу молодую / С младенцем тихим на руках». Возможно, слово «привел» по отношению к молодой жене напомнило Н. Я. Мандельштам фрагмент из ахматовских «Листков из дневника» — и саму ситуацию их приезда в Петроград: «Летом 1924 года Мандельштам привел ко мне (Фонтанка, 2) свою молодую жену».⁴⁰ Во «Второй книге» Н. Я. Мандельштам, рассуждая о любовной лирике Мандельштама, вспоминает, что, «записав стихотворение „Твой зрачок в небесной корке“, он удивленно сказал, что только Баратынский и он писали стихи женам».⁴¹ Перечитывая Баратынского, Н. Я. Мандельштам не перестает искать подтверждений этому. Возможно, одним из них становится подчеркнутое на полях начало стихотворения «Своенаравное прозвание...», действительно адресованного Настасье Львовне. Но эту же тему Н. Я. Мандельштам усматривает и в стихотворении «Кольцо С. Э-т», подчеркивая зеленой ручкой слово «всезабывающей» («Творец тебя благослови / На подвиг долгий и тяжелый / Всезабывающей любви»). В отличие от «Своенаравного прозвания...» оно адресовано не Настасье Львовне, а ее сестре — Софье Львовне Энгельгардт, но, несмотря на это, Н. Я. Мандельштам,

³⁷ Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2012. Т. 3. Ч. 1. С. 116–124 (комм. А. С. Водровой).

³⁸ Капинос Е. В. Указ. соч.

³⁹ Цивьян Т. В. Образ Италии и образ России в последнем стихотворении Баратынского // Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб., 2001. С. 29–39.

⁴⁰ Ахматова А. А. Листки из дневника // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью / Сост., подг. текста, комм., статья С. А. Коваленко. С. 35.

⁴¹ Мандельштам Н. Я. Собр. соч. Т. 2. С. 262.

очевидно, проецирует его на себя: на полях его зеленой же ручкой сделана помета «Я. Н. М.» (что, вероятно, читается как «я — Надежда Мандельштам»). Такая же помета появляется на полях стихотворений и поэм Баратынского еще несколько раз. В следующем за «Кольцом С. Э-т» стихотворении «К чему невольнику мечтания свободы?» помета «Я. Н. М.» относится к подчеркнутым финальным словам «втесненная судьбою» («О, тягостна для нас / Жизнь, в сердце бьющая могучею волною / И в грани узкие втесненная судьбою»). Слово «судьба» в мемуарах Н. Я. Мандельштам играет ключевую роль: «Быть может, это называется не любовью, а судьбой?»;⁴² «таинственная свобода-судьба».⁴³ В стихотворении «Были бури-непогоды...» помета «Я. Н. М.» поставлена напротив подчеркнутых слов «час гнетучий» — и тоже автобиографична: речь в стихотворении идет о старости. Сходная строка: «Ей дует ветер непогодный» отмечена в поэме «Цыганка» («Наложница»). На полях стихотворения «Были бури-непогоды» отчеркнуто последнее двустипение: «Не положишь ты на голос / С черной мыслью белый волос» (неизвестно, соотнесла ли его Н. Я. Мандельштам с тематически близким «Холодок щекочет темя...»). Подчеркивая строчки «Пиров»: «Немудрены пирушки наши, / Но не уступят их пирам...», Н. Я. Мандельштам, вероятно, помнит о своем последнем неотправленном письме Мандельштаму: «Ты помнишь, как мы притаскивали в наши бедные бродячие дома-кибитки наши нищенские пиры?»⁴⁴

Появляется помета «Я. Н. М.» и на полях малоизвестной поэмы Баратынского «Переселение душ» — шутильной сказки, обращенной к жене поэта и охарактеризованной им самим как «новой жизни первый плод».⁴⁵ Надпись «Я. Н. М.» отнесена тут к строке «Совсем ругательски ругалась» — очевидно воспринятой Н. Я. Мандельштам как ее характеристика (сравним с самоопределением «дикая и злая»)⁴⁶ из последнего письма Мандельштаму). Против подчеркнутой строки «Как вод согласное журчанье» Н. Я. Мандельштам записывает «Это мне, а не О. М.», а против строки «Дальноземельных, чудных птиц», подчеркивая первое слово, пишет «Я, а не О. М.». Так, «Переселение душ», написанное в духе шутильных дидактических поэм Вольтера, было, видимо, воспринято Н. Я. Мандельштам как несостоявшийся счастливый инвариант их жизни с Мандельштамом: «Его супруга завиралась, / И даже под сердитый час / Она, возвыся бойкий глас, / Совсем ругательски ругалась. / Он не роптал на то ничуть, / Любил житье-бытье простое, / И сам, где надо, завернуть / Не забывал словцо лихое, / По-своему до поздних дней / Душою в душу жил он с ней»⁴⁷ — тогда как о подлинном бытии Мандельштамов свидетельствуют подчеркнутые ей и отмеченные знаком «+» на полях строки из не опубликованного при жизни стихотворения Баратынского «Когда, дитя и страсти и сомненья...»: «Ты, смелая и кроткая со мною / В мой дикий ад сошла рука с рукою».

Комментируя маргиналии Н. Я. Мандельштам на полях американского собрания сочинений Мандельштама, Т. М. Левина отмечает, что они «не были предназначены для печати»⁴⁸ и вместе с тем были «обращены к тем людям, которые, издавая, комментируя или просто любя Мандельштама, должны были „проводить в жизнь“ именно ее взгляд на вещи, ее отношение к событиям и действующим лицам».⁴⁹ В это отношение — при всем утверждаемом ей величии Мандельштама — входил неотменяемый элемент иронии, повседневности, игры. Именно такой характер носит развернутая помета зеленой ручкой на полях стихотворения Баратынского «Н. М. Языкову»: против строк «Когда смиренная диета / Нужна здоровью моему» она записывает: «Запретили

⁴² Там же. С. 235.

⁴³ Там же. С. 262.

⁴⁴ «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. С. 50–51.

⁴⁵ Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. С. 274.

⁴⁶ «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. С. 50–51.

⁴⁷ Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. С. 273.

⁴⁸ «Любил, но изредка чуть-чуть изменял». Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама. С. 170.

⁴⁹ Там же.

мясо. О. М. ел и говорил: „Какая хорошая рыба!“». Резонирует с ней и другая развернутая запись, сделанная зеленой ручкой на полях поэмы «Пир» и относящаяся уже к самой Н. Я. Мандельштам: «Отсюда Аи. Мне принесли на этой квартире. Вино плохое. Грузинское лучше».

Предпринятый Н. Я. Мандельштам опыт прочтения Баратынского оказывается чрезвычайно ценным в двух аспектах. С одной стороны, он действительно дает возможность увидеть, как О. Э. Мандельштам читал Баратынского — и в этом плане подтверждает множество исследовательских догадок. С другой стороны, он в значительной степени открывает нам характер чтения Н. Я. Мандельштам, обнажая такие его свойства, как тотальность (не пропущено буквально ни одного стихотворения), независимость (отсутствие помет на вступительной статье и комментариях) и субъективность. Маргиналии на полях книги Баратынского носят одновременно биографический и комментирующий характер — и в этом плане перед нами действительно издание Баратынского, прочитанное и О. Э. Мандельштамом, и Н. Я. Мандельштам.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-192-204

© Г. В. Куницын

«ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЕВРЕЕМ?..»: Б. Л. ПАСТЕРНАК И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»

Так называемому еврейскому вопросу, положению евреев в Российской империи и Советском Союзе и отношению к ним разных слоев русского общества, посвящено огромное количество современных научных изысканий, освещающих проблему с историко-политической, социологической, культурологической точек зрения.¹ В историко-литературной перспективе проклятый «вопрос», очевидно, может рассматриваться в двух измерениях. С одной стороны, в русской литературе широко представлен взгляд «извне», «еврейская тема» занимает важное место как в художественных, так и в публицистических произведениях русских авторов, начиная примерно с В. К. Тредиаковского.² С другой стороны, и среди тех, кто напрямую пишет о евреях и еврействе, и среди тех, кто обошел эту тему стороной, есть немало выходцев из еврейской среды, русскоязычных писателей «еврейского происхождения».

К примеру, для И. Э. Бабеля оно навсегда останется важным фактором самоидентификации. Исследователи справедливо усматривают в его сюжетах символически зашифрованные попытки героев-евреев принести свое еврейство как жертву в ходе своеобразных обрядов инициации, посвящения в утопическое революционное братство.³ Совсем иначе для О. Э. Мандельштама, бежавшего от «хаоса иудейского»,⁴ «темного и бессловесного»⁵ мира еврейской семьи в пространство «мировой культуры». Любо-

¹ См.: Будницкий О. В. Евреи в Российской империи (1772–1917): 4. Евреи в эпоху поздней Империи: лояльность, адаптация, оппозиция // *Западные окраины Российской империи*. М., 2006. С. 327–340; Гительман Цви. Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 до наших дней. М., 2008; Гольдин С. Еврей как понятие в истории имперской России // *Понятия о России: К исторической семантике имперского периода*. М., 2012. Т. 2. С. 340–391; Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008; Слэзкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире / Авторизованный пер. с англ. С. Б. Ильина. М., 2005.

² См., к примеру, «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» (1752).

³ См.: Лекманов О. А. Исаак Бабель «Мой первый гусь»: опыт медленного чтения // Лекманов О. А. Самое главное: О русской литературе XX века. М., 2017. С. 209–223.

⁴ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2. Проза. С. 221.

⁵ Гаспаров М. Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама // Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 327.

Список литературы

1. Азадовский К. М. «Настоящая моя жизнь — в одиночестве...». Из дневника Марии Пожаровой // Литературный факт. 2021. № 3 (21).
2. Денисенко Е. Е. От зверинцев к зоопарку: история Ленинградского зоопарка. СПб., 2003.
3. Жибуль В. Ю. Координаты поэтического мироздания М. Моравской: странствие, одиночество, детство // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. 2004. № 4 (19).
4. «Золушка думает». Письма Марии Моравской // Максимилиан Волошин и его современники / Сост., вступ. статьи, публ. и комм. А. В. Лаврова. СПб., 2025.
5. Ключева И. В. Ранний период биографии и творчества поэтессы Марии Моравской: культурно-историческая реконструкция // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Познание. 2022. № 12.
6. Ключева И. В. Поэтесса Мария Моравская и скульптор Степан Эрзя: биографические и творческие пересечения // Центр и периферия. 2023. Т. 18. № 2.
7. Моравская М. Апельсинные корки // Книга про книгу «Апельсинные корки» Марии Моравской / Сост. и автор предисловия М. Д. Яснов. СПб., 2012.
8. Попов В. В. Мария Людвиговна Моравская (Попытка портрета) // Русская литература. 1998. № 3.

References

1. Azadovskii K. M. «Nastoiashchaia moia zhizn' — v odinochestve...». Iz dnevnika Marii Pozharovoi // Literaturnyi fakt. 2021. № 3 (21).
2. Denisenko E. E. Ot zverintsev k zooparku: istoriia Leningradskogo zooparka. SPb., 2003.
3. Kliueva I. V. Poetessa Mariia Moravskaia i skul'ptor Stepan Er'zia: biograficheskie i tvorcheskie peresecheniia // Tsentri i periferiia. 2023. T. 18. № 2.
4. Kliueva I. V. Rannii period biografii i tvorchestva poetessy Marii Moravskoi: kul'turno-istoricheskaiia rekonstruktsiia // Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser. Poznanie. 2022. № 12.
5. Moravskaia M. Apel'sinnye korki // Kniga pro knigu «Apel'sinnye korki» Marii Moravskoi / Sost. i avtor predisliviia M. D. Iasnov. SPb., 2012.
6. Popov V. V. Mariia Liudvigovna Moravskaia (Popytka portreta) // Russkaia literatura. 1998. № 3.
7. Zhibul' V. Yu. Koordinaty poeticheskogo mirozdaniia M. Moravskoi: stranstvie, odinochestvo, detstvo // Vesnik Magil'yskaga dziazhaŭnaga ŭniversiteta imia A. A. Kuliashova. 2004. № 4 (19).
8. «Zolushka dumaet». Pis'ma Marii Moravskoi // Maksimilian Voloshin i ego sovremenniki / Sost., vstup. stat'i, publ. i komm. A. V. Lavrova. SPb., 2025.

Мария Марковна Гельфонд

доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

Mariya Markovna Gelfond

Associate Professor, National Research University
Higher School of Economics (Nizhnij Novgorod)

ORCID: 0000-0002-0865-0724

mgelfond@hse.ru

Н. Я. И О. Э. МАНДЕЛЬШТАМЫ —
ЧИТАТЕЛИ Е. А. БАРАТЫНСКОГО

N. Ya. AND O. E. MANDELSTAM
AS THE READERS OF E. A. BARATYNSKY

В статье рассматриваются не введенные ранее в научный оборот маргиналии, сделанные Н. Я. Мандельштам на принадлежавшем ей томе Баратынского 1957 года издания. Подробно рассматриваются как отдельные подчеркивания, так и развернутые записи на полях, которые, с одной стороны, комментируют рецепцию Баратынского в поэзии О. Э. Мандельштама, а с другой стороны, восстанавливают некоторые биографические реалии, связанные с судьбами Н. Я. и О. Э. Мандельштамов.

Ключевые слова: Н. Я. Мандельштам, О. Э. Мандельштам, Е. А. Баратынский, маргиналии, интертекст.

The article examines marginalia that were not previously introduced into academic circulation, made by N. Ya. Mandelstam in the 1957 of the works by Baratynsky that belonged to her. Both individual underlining and copious notes in the margins are examined in detail, which, on the one hand, comment on the reception of Baratynsky in the poetry of O. E. Mandelstam, and on the other hand, restore some biographical realities associated with the fates of N. Ya. and O. E. Mandelstam.

Key words: N. Ya. Mandelstam, O. E. Mandelstam, E. A. Baratynsky, marginalia, intertext.

Список литературы

1. Альми И. Л. О творческой позиции Е. А. Баратынского конца двадцатых — начала тридцатых годов XIX века (анализ лирики) // Альми И. Л. О поэзии и прозе. СПб., 2002.
2. Ахматова А. А. Листки из дневника // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 2001. Т. 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью / Сост., подг. текста, комм., статья С. А. Коваленко.
3. Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Н. Купреяновой. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая сер.).
4. Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2012. Т. 3. Ч. 1.
5. Бухштаб Б. Я. Поэзия Мандельштама // Бухштаб Б. Я. Фет и другие. Избр. работы. СПб., 2000.
6. Видгоф Л. М. «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. М., 2012.
7. Гаспаров М. Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года. М., 1996 (Чтения по истории и теории культуры; вып. 17).
8. Гельфонд М. М. «Не у тебя, не у меня — у них...» О. Э. Мандельштам: опыт прочтения // Новый филологический вестник. 2022. № 1.
9. Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1998.
10. Капинос Е. В. «Пироскаф» Баратынского как интертекст Мандельштама // Сюжет и мотив в контексте традиции: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1998.
11. Лекманов О. А. «Жизнь прошла. А молодость длится...». Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». М., 2020.
12. «Любил, но изредка чуть-чуть изменял». Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / Публ., подг. текста и вступ. заметка Т. М. Левиной; прим. Т. М. Левиной и А. Т. Никитаева // Philologica. 1997. Vol. 4. № 8/10.
13. Мазур Н. «Возможна ли женщине мертвой хвала»: о стихотворении Баратынского «Всегда и в пурпуре и злате...» // Пермьяковский сборник. М., 2010. Ч. 2.
14. Мазур Н. Н. Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария. Материалы международной конференции. Тарту, 2007.
15. Мандельштам Н. <Мандельштам — читатель> / Реконструкция и публ. А. Устинова // Мандельштам — читатель. Читатели Мандельштама: Филологический сборник / Под ред. О. А. Лекманова и А. Б. Устинова. Stanford: Aquilon Books, 2017 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts; vol. 47).
16. Мандельштам Н. Я. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1989.
17. Мандельштам Н. Я. Собр. соч.: В 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 2. «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979) / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин; вступ. статья Ю. Фрейдина.
18. Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. М., 1991. Т. 1.
19. Мец А. Г. Комментарии // Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. Стихотворения.
20. Николаева Е. Г. «Баратынского подошвы» у Мандельштама (еще одна попытка комментария) // Литературоведение и литературоведы: Сб. науч. трудов к 75-летию Г. В. Краснова. Коломна, 1996.

21. *Проскурин О. А.* Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова: датировка, функция, роль в литературной эволюции // Новое литературное обозрение. 2003. № 6.
22. *Рейн Е.* Человек в пейзаже // Иосиф Бродский. Большая книга интервью / Сост. В. Полухиной. М., 2000.
23. *Роскина Н.* «Как будто прощаюсь снова...» // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991.
24. *Скворцов А. Э.* «Поэт» Арсения Тарковского: от реального — к идеальному // Вопросы литературы. 2011. № 5.
25. *Сурат И. З.* Мандельштам и Пушкин. М., 2009.
26. *Тарановский К. Ф.* О поэзии и поэтике. М., 2000.
27. «Узел жизни, в котором мы узнаны...»: Майя Каганская о Надежде Мандельштам / Публ. С. Шаргородского; прим. С. Шаргородского и П. Криксунова; предисловие П. Криксунова // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П. М. Нерлер. М., 2015.
28. *Фрейдин Ю. Л.* Послесловие к «Комментариям...» // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1989.
29. *Цивьян Т. В.* Образ Италии и образ России в последнем стихотворении Баратынского // Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб., 2001.
30. *Jackson H. J.* Marginalia: Readers Writing in Books. New Haven; London: Yale University Press, 2001.

References

1. *Akhmatova A. A.* Listki iz dnevnika // Akhmatova A. A. Sobr. soch.: V 6 t. M., 2001. T. 5. Biograficheskaya proza. Pro domo sua. Retsenzii. Interv'yu / Sost., podg. teksta, komm., stat'ia S. A. Kovalenko.
2. *Al'mi I. L.* O tvorcheskoi pozitsii E. A. Baratynskogo kontsa dvadtsatykh — nachala tridtsatykh godov XIX veka (analiz liriki) // Al'mi I. L. O poezii i proze. SPb., 2002.
3. *Baratynskii E. A.* Poln. sobr. stikhotvorenii / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. E. N. Kupreianovoi. L., 1957 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
4. *Baratynskii E. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. M., 2012. T. 3. Ch. 1.
5. *Bukhshtab B. Ia.* Poeziia Mandel'shtama // Bukhshtab B. Ia. Fet i drugie. Izbr. raboty. SPb., 2000.
6. *Freidin Yu. L.* Posleslovie k «Kommentarii...» // Zhizn' i tvorchestvo O. E. Mandel'shtama: Vospominaniia. Materialy k biografii. «Novye stikhi». Kommentarii. Issledovaniia. Voronezh, 1989.
7. *Gasparov M. L.* O Mandel'shtam: Grazhdanskaya lirika 1937 goda. M., 1996 (Chteniiia po istorii i teorii kul'tury; vyp. 17).
8. *Gel'fond M. M.* «Ne u tebia, ne u menia — u nikh...» O. E. Mandel'shtama: opyt prochteniia // Novyi filologicheskii vestnik. 2022. № 1.
9. *Ginzburg L. Ia.* O lirike. M., 1998.
10. *Jackson H. J.* Marginalia: Readers Writing in Books. New Haven; London: Yale University Press, 2001.
11. *Kapinos E. V.* «Piroskaf» Baratynskogo kak intertekst Mandel'shtama // Siuzhet i motiv v kontekste traditsii: Sb. nauch. trudov. Novosibirsk, 1998.
12. *Lekmanov O. A.* «Zhizn' proshla. A molodost' dlitsia...». Putevoditel' po knige Iriny Odoevtsevoi «Na beregakh Nevy». M., 2020.
13. «Liubil, no izredka chut'-chut' izmenial». Zametki N. Ia. Mandel'shtam na poliakh amerikanskogo «Sobraniiia sochinenii» Mandel'shtama / Publ., podg. teksta i vstup. zametka T. M. Levinoi; prim. T. M. Levinoi i A. T. Nikitaeva // Philologica. 1997. Vol. 4. № 8/10.
14. *Mandel'shtam N.* <Mandel'shtam — chitatel'> / Rekonstruktsiia i publ. A. Ustinova // Mandel'shtam — chitatel'. Chitateli Mandel'shtama: Filologicheskii sbornik / Pod red. O. A. Lekmanova i A. B. Ustinova. Stanford: Aquilon Books, 2017 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts; vol. 47).
15. *Mandel'shtam N. Ia.* Kommentarii k stikham 1930–1937 gg. // Zhizn' i tvorchestvo O. E. Mandel'shtama: Vospominaniia. Materialy k biografii. «Novye stikhi». Kommentarii. Issledovaniia. Voronezh, 1989.
16. *Mandel'shtam N. Ia.* Sobr. soch.: V 2 t. Ekaterinburg, 2014. T. 2. «Vtoraia kniga» i drugie proizvedeniia (1967–1979) / Red.-sost. S. Vasilenko, P. Nerler, Yu. Freidin; vstup. stat'ia Yu. Freidina.
17. *Mandel'shtam O. E.* Sobr. soch.: V 4 t. M., 1991. T. 1.
18. *Mazur N.* «Vozmozhna li zhenshchine mertvoi khvala»: o stikhotvorenii Baratynskogo «Vsegda i v purpure i zlate...» // Permiakovskii sbornik. M., 2010. Ch. 2.

19. Mazur N. N. Eshche raz o deve-roze (v sviazi so stikhotvoreniiem Baratynskogo «Eshche kak Patriarkh ne dreven ia...») // Pushkinskie chteniia v Tartu. Pushkinskaia epokha: problemy refleksii i kommentarii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Tartu, 2007.
20. Mets A. G. Kommentarii // Mandel'shtam O. E. Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. M., 2009. T. 1. Stikhotvoreniia.
21. Nikolaeva E. G. «Baratynskogo podoshvy» u Mandel'shtama (eshche odna popytka kommentarii) // Literaturovedenie i literaturovedy: Sb. nauch. trudov k 75-letiiu G. V. Krasnova. Kolonna, 1996.
22. Proskurin O. A. Pomety Pushkina na poliakh «Opytov v stikhakh» Batiushkova: datirovka, funktsiia, rol' v literaturnoi evoliutsii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 6.
23. Rein E. Chelovek v peizazhe // Iosif Brodskii. Bol'shaia kniga interv'iu / Sost. V. Polukhin. M., 2000.
24. Roskina N. «Kak budto proshchaius' snova...» // Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi. M., 1991.
25. Skvortsov A. E. «Poet» Arseniia Tarkovskogo: ot real'nogo — k ideal'nomu // Voprosy literatury. 2011. № 5.
26. Surat I. Z. Mandel'shtam i Pushkin. M., 2009.
27. Taranovskii K. F. O poezii i poetike. M., 2000.
28. Tsiv'ian T. V. Obraz Italii i obraz Rossii v poslednem stikhotvorenii Baratynskogo // Tsiv'ian T. V. Semioticheskie putesthestviia. SPb., 2001.
29. «Uzel zhizni, v kotorom my uznany...»: Maiia Kaganskaia o Nadezhde Mandel'shtam / Publ. S. Shargorodskogo; prim. S. Shargorodskogo i P. Kriksunova; predislovie P. Kriksunova // «Posmotrim, kto kogo pereupriamit...»: Nadezhda Mandel'shtam v pis'makh, vospominaniakh, svidetel'stvakh / Sost. P. M. Nerler. M., 2015.
30. Vidgof L. M. «No liubliu moi kurvu-Moskvu». Osip Mandel'shtam: poet i gorod. M., 2012.

Георгий Владимирович Куницын

ассистент, аспирант Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Georgii Vladimirovich Kunitsyn

Assistant, PhD student, National Research University
Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: 0000-0002-6542-0503

georg2399@yandex.ru

«ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЕВРЕЕМ?...»:

В. Л. ПАСТЕРНАК И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»

WHAT DOES IT MEAN TO BE A JEW?...:

B. L. PASTERNAK'S «JEWISH QUESTION»

Статья посвящена «еврейскому вопросу» в жизни и творчестве В. Л. Пастернака. На основе анализа эпистолярных и художественных свидетельств делается предположение о специфической амбивалентной роли еврейского происхождения в автобиографии поэта. С одной стороны, ощущение исключенности из окружающего христианского универсума встраивается в представления Пастернака об искусстве и роли художника как одно из требующих творческого преодоления препятствий физического, детерминированного мира. С другой стороны, родовая принадлежность к древней иудейской традиции, Библии и ее персонажам воспринимается поэтом как культурный потенциал.

Ключевые слова: еврейский вопрос, В. Л. Пастернак, житнетворчество, «Доктор Живаго», христианство.

The article deals with the «Jewish question» in the life and art of B. L. Pasternak. Following the analysis of epistolary and literary evidence, an assumption is made concerning the specific ambiva-